

ными достоинствами, и эти картины такъ овладѣваютъ имъ, что онъ не можетъ не высказать своего личнаго отношенія къ изображаемымъ лицамъ и нравамъ,—не разсужденіями и моральными трактатами, а именно лиризмомъ, изліяніями своего возбужденнаго чувства, своей радости или, всего больше, своей скорби. Лиризмъ чередуется съ тѣмъ юморомъ, параллели или первообразы котораго опять находимъ у Гоголя и Диккенса. Но самобытное, что отличаетъ его не только отъ Гоголя, но и отъ непосредственныхъ предшественниковъ, затронувшихъ народный бытъ (какъ Тургеневъ, Григоровичъ), есть, во-первыхъ, близкое знаніе подробностей народнаго быта и, во-вторыхъ, пристальное вниканіе во внутреннюю жизнь изображаемыхъ имъ лицъ; знаніе быта у него дѣйствительно замѣчательное,—образчикомъ его можетъ служить одушевленный, колоритный языкъ, какъ въ его собственномъ разсказѣ, такъ и въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Другой предметъ лиризма Левитова составляютъ изображенія природы. Онъ страстно любитъ эту степную природу средней восточной Россіи, гдѣ прошла его юность, гдѣ онъ нѣсколько разъ совершалъ свои пѣшеходныя странствія, то съ идеалистическими надеждами устроить свое будущее, то разбитый и съ отчаяніемъ искавшій приюта на родинѣ. «Природа у меня всегда на первомъ планѣ»,—замѣчаетъ Левитовъ въ одномъ разсказѣ, тема котораго наводила его на мрачныя мысли.—«Природа лучше всего, что только я узналъ во всю мою жизнь. Блистая нѣкогда неподдѣльной красотой въ мои дѣтскіе глаза, она заставила меня искренно полюбить ее»¹⁾, и дѣйствительно, онъ безпрестанно обращается къ природѣ. Можно положительно сказать, что изображенія природы у Левитова нѣрѣдко равняются съ знаменитыми ландшафтами, нарисованными Тургеневымъ; ихъ разница въ томъ, что Тургеневъ рисуетъ свои картины какъ чистый художникъ, удивительно схватывая всѣ тонкіе оттѣнки формъ и красокъ; Левитовъ относится къ природѣ лирически—онъ любитъ одушевлять ее, самъ хочетъ дѣлать ея жизнь и дѣйствительно часто заставляетъ ее говорить человѣческимъ языкомъ (иногда впадая даже при этомъ въ крайность), вмѣшиваться въ человѣческую жизнь, то съ лаской, то съ грозой, заставляетъ ее вспоминать свое прошлое и прошлое жившихъ среди нея людей (напомнимъ въ «Уличныхъ картинкахъ» изображеніе стараго лѣса). Въ его наслажденіи степной природой—не одно наслажденіе ею самой; его всегда провожаетъ мысль, какъ тѣсно свя

¹⁾ Собр. сочин. II, стр. 116.